

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

БОДАЙБИНСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

В 1977 году мне посчастливилось работать в экспедиции ЦНИГРИ в Бодайбинском районе Иркутской области. В ту пору я был столичным юношей, ещё только бредившим Сибирью, первая встреча с которой произошла в 1974 году – после 9 класса я работал в противочумной экспедиции на юго-западе Тувы. В тех же краях увидел я впервые и батюшку-Енисея, с которым спустя годы и связал свою жизнь. После Тувы, которая произвела на меня сильнейшее впечатление, я попросил свою тётку – тётю Нину, вхожую в геологический мир, – отправить меня куда-нибудь в Восточную Сибирь. Этим местом оказались окрестности посёлка Кропоткин. Уже не помню точно, как назывался ключ, на котором стоял наш лагерь, но помню, он был по правую руку от тракта, верстах, возможно, в десяти от Кропоткина, а может, и больше. Помню, что напротив нас по диагонали был виден голец Цибульского. Мы обследовали окрестности этого ключа, а потом предстояло снять лагерь и отправиться на Хомолхо отработать голец Высочайший. Каково же было моё разочарование, когда наша начальница решила не перевозить лагерь, а просто ездить на Хомолхо каждый день на нашем “шестьдесят шестом”. Так мы и сделали. Моя работа была такая: бить молотком кварцевые жилы и собирать в мешочки образцы породы с вкраплениями золота. Помню, что вкраплений этих было на удивление много, и я даже взял несколько образцов для нашего институтского геологического музея – в благодарность начальнику практики, отпустившему меня в Сибирь.

Речка Хомолхо мне понравилась – до сих пор перед глазами лиственничник на её берегу, в котором так хорошо бы было стоять табором. До сих пор помню Высочайший – траншею и шурфы, пробитые кем-то до нас. Всё на самом верху, на плоскотине...

Пожалуй, сильнейшим и наиболее драгоценным из впечатлений о том лете был образ трудовой Сибири, который я вынес из наших будней в окрестностях Кропоткина и в самом Бодайбо, где мы какое-то время жили на геологической подбазе. Трудовой этот народный геологический дух, который я хватил только краем, за короткое время, произвёл на меня сильнейшее впечатление и окончательно наставил на сибирскую судьбу. В ту пору я был студентом, и моё возвращение в город, лекции в тёплых помещениях – всё это казалось чем-то постыдным по сравнению с жизнью бодайбинских работяг. Больше всего на свете мне хотелось остаться где-нибудь здесь и уйти в осень, в зиму. Довершил дело один дед в Иркутском аэропорту. Сухой, бледно какой-то синий, с несусветными руками – его кисти с распухшими суставами так и застыли полуковшами. “Видать, промывальщик”, – подумал я.

А он всё что-то говорил сидящему рядом пареньку о том, как искать золото, причём таким языком, такими словами, что какие-нибудь “падуны” и “проходнушки” выглядели бы детским лепетом. Жалею, что ничего не запомнил, кроме самого духа рассказа: дед не рассказывал, он проповедовал, громко и страстно. Не глядя на слушателей, он передавал свой опыт, свои представления, и что-то трагическое было и в яром проповедническом послые, и в его тщетности. От этой картины у меня осталось впечатление прикосновения к заповеднейшей тайне.

Судьба моя после Бодайбо уже шла напрямиком в Сибирь, и вот недавно, будучи на “Золотом Витязе” в Иркутске, я подумал: ведь 40 лет прошло с моего Бодайбо! Не пора ли отдать долг месту?

В таких случаях важны два взгляда: что обязательно надо отдавать долги дорогим местам и что наоборот – ни в коем случае не следует пытаться повторить прошлое, что всё будет не так, только разочаруешься. Что это, мол, как попытка встретиться спустя жизнь с первой возлюбленной. В общем – ни к чему. Будучи приверженцем первого подхода, я решил лететь. По моей просьбе министр культуры Иркутска связался с главой Бодайбо Евгением Юрьевичем Юмашевым, и я полетел.

Видимость была не очень, и я так и не понял, пересекли ли мы северный кут Байкала или нет. Но вот самолёт снизился, и открылись горы с редкой тайгой и их особенно выразительные меловые верхи. Самолёт делал “коробочку” над Витимом, и невообразимо хороши были сопчатые нагромождения, редкие кедрачи, ельники и лиственничники по склонам. По прилёту первым делом я сходил на берег Витима, как раз возле треста “Лензолото”, у которого появился новый застеклённый фасад. Витим в торосах, горы. Храм на берегу, где я приложился к мощам Иннокентия Иркутского и Варлаама Чикойского – Читинского подвижника.

Вообще город с первого взгляда почти не изменился: несмотря на золотосность района, никакого намёка на достаток, ухоженность, как, к примеру, в нефтяных районах западной Сибири, в каком-нибудь Сургуте. И самолёт, на котором я летел, был точно тот же верный АН-24, что и сорок лет назад, тогда как Красноярский север давно уже летает на АТРах.

Состоялась замечательная встреча в библиотеке, а наутро особая честь была мне уготована: провести два урока литературы в школе № 1 Бодайбо. С учениками 8-х классов. Жизнь всегда намного изобретательней любых о ней представлений. Бодайбинские школьники – чудные. Буквально перед этим я провёл две встречи со школьниками Иркутска. Те не смогли назвать ни одной книги Валентина Григорьевича Распутина. Бодайбинцы смогли. В завершение встречи, как обычно, звучали вопросы, по большей части спрашивали девчонки, но вдруг парнишка с серьёзным лицом вытянул руку и сказал: “Что бы Вы могли сказать нам в напутствие?”

Такой вопрос всегда испытание – ведь надо ёмко, ярко и не занудно сказать самое главное. Зная ситуацию в Бодайбо, отток населения на материк, я особенно налёг на любовь именно к *своей* земле. Говорил о том, что мы часто не замечаем её красоты, стремясь к другим местам, ну, и вывел на нашу Русскую землю вообще – как самую многострадальную, прекрасную и непобедимую. Судя по глазам ребят, слова подобрались верные.

Потом мы поехали в Артём в библиотеку, и по пути в Апрельске должны были посетить памятник жертвам Ленского расстрела 1912 года. Ехали по той самой единственной дороге, по которой мы уезжали в Кропоткин, вдоль Бодайбинки, неузнаваемо изрытой: все берега были – белый, засыпанный снегом отвал. Подъехали к братской могиле жертвам расстрела, потом к стеле, засыпанной снегом. Оказалось, что она стоит на небольшом уцелевшем куске земли. “Обрыли со всех сторон!” – сказала наша сопровождающая из библиотеки и поведала, что по этому поводу уже много народных пересудов. Потом поехали в Артём и, пока шёл фильм, я изучал библиотечные книги.

На глаза попался фотоальбом по истории Ленских приисков. Я листал его, пока не замер над фотографиями жертв Ленского расстрела.

40 лет назад мы проезжали этот памятник, и по молодости я не придавал никакого значения ему и даже наоборот – гордое и необразованное сердце раздражил классовый пафос. “Ну, опять борьба пролетариата!” Теперь, когда я смотрел на фотографии трёх сотен убиенных, всё ощущение прилёта, восторг возвращения в родное и важное место – всё отошло и осталась только

трагедия вплоть до чувства физического недомогания... Женщина в платке с младенцем на руках присела возле тела кормильца. Ещё одна, крестьясь, идёт вдоль поля тел. Оказалось, что ранено было ещё около трехсот человек, и в общей сложности пострадало более полутысячи людей. А кто на прииска́х работал? Да больше бедовые-непутёвые, каторжане бывшие и просто неустроенные. Платили им гроши, жили они в бараках, где чуть не задницами примерзали к нарам. Морозьяки тогда подходящие были.

А вот какую информацию я нашёл на сайте, посвящённом золотой лихорадке на Лене. “Несмотря на то, что большинство акций “Лензото” находилось в руках “Lena Goldfields”, непосредственное управление Ленскими рудниками осуществляло “Лензото” в лице Гинцбурга. Правление товарищества, действовавшее на момент забастовки, было избрано в июне 1909 года:

Директор-распорядитель – барон Альфред Горадиевич Гинцбург;

Директора правления – М. Е. Мейер и Г. С. Шамнаньер;

Члены ревизионной комиссии – В. В. Век, Г. Б. Слюзберг, Л. Ф. Грауман, В. З. Фридляндский и Р. И. Эбенау”.

Что это были за люди? Переживали ли они о русском мужичье, посмевшем защитить свои права на труд?

Не всё легко было и в советские довоенные годы, вроде выдавили англичан, к помощи которых прибегла уже Советская власть, но в конце 30-х годов 950 человек своих попали под плановый чекистский расстрел, рьяно и инициативно исполненный приезжим чекистом с садистскими наклонностями – карандашом глаза выкалывал. А в войну почти половина населения (шесть тысяч) ушла на фронт, и половина из них не вернулась... Всё это рассказали мне в краеведческом музее самого Бодайбо. А я изучал фотографии и попытался представить Ленские события.

На встрече в библиотеке народу было совсем немного – когда-то крупнейший посёлок стоит полузаброшенным. Директор библиотеки Зинаида Николаевна сама родом с Енисея, из Дудинки. Всю жизнь здесь, в Артёме. Я попросил её спеть “Бодайбинку”.

В темноте вернулись в Бодайбо. Наутро была экскурсия в музей. Потом полёт в Иркутск по ясной погоде. Воздух был настолько прозрачен, что передо мной, как на дивной карте, проплыла вся панорама гор, включая Верхне-Ангарский хребет. Удивительные и бескрайние пространства... Пики, будто набранные из жил, долины с белыми озёрами... А потом под крылом проплыло устье Верхней Ангары и северный угол моря...

А я всё думал, как найти выход? Как жить дальше, когда спустя сорок лет, оказавшись в месте, о котором вспоминал всю жизнь, нашёл совсем другим это место, а главное – себя самого?! И казалось, на прекрасном алмазном снегу промороженных хребтов уже начертан ответ – что только через любовь и сострадание к своему народу можно постичь нашу Россию, помочь ей не рассыпаться, не распасться, а самим не очерстветь... И на вопрос, что делать, один ответ предлагали мне уже ставшие родными сопки: бывать здесь, помогать этим людям хотя бы словом поддержки, вниманием. И не улетать так быстро.

А ведь и сорок лет назад так было – казался предательством отъезд в Москву на учёбу, сидение в тёплых классах и питьё пива в кафешке в то время, как в Восточной Сибири падает первый снег, бородатые работяги варят чай у костерка, и старик-промывальщик с распухшими суставами вещает на всю Сибирь о “падунах” и “проходнушках”. И никто его не слушает...

Верую, что вернусь в Бодайбо.